

УДК 141.3

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-85-97

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ АНАЛИЗА НЕПРЕДНАМЕРЕННЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: АКТУАЛИЗАЦИЯ ПОДХОДА Л. МАМФОРДА

Зарубина Н. Н.

Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации (МГИМО)

119454, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Определить эвристические возможности концепции «Мегамшины» Льюиса Мамфорда (1895–1990) для анализа непреднамеренных социокультурных последствий распространения цифровой техники.

Процедура и методы. С помощью методов историко-философского и социально-философского анализа рассмотрены положения концепции Мамфорда о влиянии развития техники на общество и человека.

Результаты. Показаны результаты применения подхода Мамфорда к анализу цифрового общества: определён «социальный прообраз» цифровых машин, выявлены особенности десоциализации и дегуманизации социальных отношений и практик, специфика локус-контроля, дисциплины, трансформации типов солидарностей, передачи цифровым машинам интеллектуальных и волевых функций человека.

Теоретическая и/или практическая значимость работы состоит в актуализации концепции «Мегамшины» Мамфорда для анализа непреднамеренных социокультурных последствий цифровизации: с её помощью можно проследить возникновение новых форм опредмечивания и овеществления сущностных сил человека в условиях технического прогресса.

Ключевые слова: Л. Мамфорд, «Мегамшина», эвристические возможности, технический прогресс, индустриальные общества, цифровизация, цифровое общество, непреднамеренные последствия, дегуманизация, деперсонализация, социальные иерархии, дисциплина

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (конкурс 2020 года), заявка НШ-2615.2020.6.

THE THEORETICAL BASES FOR THE ANALYSIS OF UNINTENDED SOCIOCULTURAL CONSEQUENCES OF THE DEVELOPMENT OF DIGITAL TECHNOLOGIES: UPDATING L. MUMFORD'S APPROACH

N. Zarubina

MGIMO University

76, Prospect Vernadsky, Moscow, 119454, Russian Federation

Abstract.

Aim. The article aims at revealing the heuristic possibilities of the concept of «Megamachine» by Lewis Mumford (1895–1990) to analyze the unintended socio-cultural consequences of the spread of digital technology.

Methodology. Using the methods of historical, philosophical and socio-philosophical analysis, the provisions of the Mumford concept on the impact of the development of technology on society and man are considered.

© СС ВУ Зарубина Н. Н., 2020.

Results. The results of the application of Mumford's approach to the analysis of digital society are shown: the «social prototype» of digital machines is determined, the features of desocialization and dehumanization of social relationships and practices, the specifics of locus control, discipline, the transformation of types of solidarity, the transfer of intellectual and strong-willed human functions to digital machines are revealed.

Research implications. The study updates the concept of «Megamachine» by Mumford for the analysis of unintended socio-cultural consequences of digitalization and shows how it is possible to trace the emergence of new forms of determination and behavior of essential human forces under the conditions of technological progress with its help.

Keywords: L. Mumford, Megamachine, heuristic capabilities, technological progress, industrial societies, digitalization, digital society, unintended consequences, dehumanization, depersonalization, social hierarchies, discipline

Acknowledgment. The reported study was funded by the support of a grant from the President of the Russian Federation for state support of leading scientific schools of the Russian Federation (2020 competition), application NSh-2615.2020.6.

Введение

Сложные взаимосвязи человека, общества и техники, создаваемой для решения разнообразных производственных, военных, коммуникационных и других задач давно стали предметом анализа социальных мыслителей. В XX в. вклад в эти исследования внесли Н. А. Бердяев, К. Ясперс, О. Шпенглер, Х. Ортега-и-Гассет и многие другие, как сторонники, так и критики технического прогресса и детерминизма. Американский социальный мыслитель Льюис Мамфорд (1895–1990), известный аналитик социокультурных последствий развития техники и критик технического детерминизма, считал, что возникновение техники обусловлено не узкими задачами сбережения и облегчения труда, а широким взаимодействием человека со всеми элементами среды его существования. Соответственно, орудия и машины отвечают не чисто утилитарными потребностям, а «жизнеориентированны» [6], т. е. связаны со «всей природой человека», в первую очередь, с его способностью производить символы и смыслы, создающие культуру и язык, с потребностями упорядочивания и осмысления социального бытия. Техника разной степени сложности является продолжением способностей человека, имеет свой прообраз в человеческих потенциях и возможностях, в социальных отношениях и коммуникаци-

ях. Однако постепенно усложняясь, машина превращается в инструмент подчинения и трансформаций самого человека и общества, уже не только человек создаёт машины, но и машины творят человека [16]. Эти непреднамеренные последствия развития техники анализируются в работах американского учёного, и его идеи могут служить теоретико-методологическим основанием для исследований современных социокультурных процессов, ставших непреднамеренными последствиями нового этапа научно-технического прогресса – цифровизации.

Социокультурные последствия распространения цифровых и телекоммуникационных технологий, их влияние на человека и общество, стали предметом анализа многих современных социологов. В первую очередь, следует назвать концепцию «информационального общества» и «общества сетевых структур» М. Кастельса, «текущей современности» З. Баумана, достижения социологии интернета, концепции гиг-капитализма, новых форм труда и занятости, управления и т. д. Много было сделано в парадигме «информационного общества», основным объектом внимания в рамках которой стали новые функции информации и коммуникаций в современных обществах. В то же время исследования влияния цифровых машин на человека, социальные практики и отношения всё ещё требуют разработки новых теоретических подходов. Представляется, что идеи

взаимодействий общества, человека и техники Л. Мамфорда могут послужить концептуализации непреднамеренных социокультурных последствий цифровизации.

«Мегамашина» Л. Мамфорда как методология анализа социальных последствий технического прогресса

Л. Мамфорд отметил, что «машина оказалась двуликой. Она орудие освобождения и в то же время орудие угнетения. Она сберегает человеческую энергию, но и направляет её в ложное русло. Она создала широкую систему порядка, и она же вызывает путаницу и хаос. Она верно служит благородным целям человечества, но она же извращает и сводит на нет эти самые цели» [7]. На протяжении всей своей истории человек, создавая инструменты и технические устройства для совершенствования своих взаимодействий с внешним миром, для облегчения труда, для самозащиты и войны, сам должен был изменяться вместе с ними. Из работ Мамфорда следует, что создание технических устройств было результатом развития человеческой природы, культуры и социальности с древнейших времён и до наших дней, причём ментальные, символические способности имели приоритетное значение по сравнению с простыми потребностями в усовершенствовании трудовых операций с утилитарными целями. Используемые не на уровне индивидуальной деятельности, а на уровне *производящего и потребляющего общества*, машины трансформируют взаимодействия и отношения, иерархии и солидарности. В сложных иерархических обществах машины *из трудосберегающих становятся потребляющими труд*, объединяя людей для решения общих производственных или военных задач, превращают их из носителей воли, творческой энергии и знания в обезличенные, деперсонифицированные детали всеобъемлющего социотехнического механизма – Мегамшины.

Как утверждал Мамфорд, ещё древние гидравлические цивилизации создали

Мегамашину для войн и массовых строительных работ, объединяя людей посредством бюрократической системы в огромные машиноподобные организации, где каждый служил для выполнения конкретных функций в рамках общей цели, утрачивая при этом свои индивидуальные черты и свойства. Именно эта древняя Мегамашина стала, по мнению американского мыслителя, предпосылкой современной «эпохи машин» (Мамфорд, 2001), *поскольку уже тогда были открыты и применены на практике социокультурные техники обезличивания, деперсонификации, и даже формализации взаимодействий людей и передачи их интеллектуальных и волевых качеств внешнему по отношению к ним центру*. Пусть детали Мегамшины состояли не из металла, а из живых людей, двигали ею не внешние источники энергии, а власть и воля элиты, передаваемая не по проводам и не с помощью электромагнитных волн, а указом чиновника и плёткой надсмотрщика, Мамфорд замечает, что созданию реальных машин предшествует социализация «механических посредников» (Мамфорд, 2001), т. е. *появление социальных прообразов*, по которым затем создавались их технические заменители.

Особое значение имел тот факт, что знание и целеполагание в древних Мегамашинах принадлежало властным и духовным элитам, носило сакрализованное и эзотерическое, преимущественно религиозное и символическое, характер и было недоступно массам простых работников [8]. В этом можно усмотреть будущее разделение на тех, кто создаёт и внедряет в нашу повседневную жизнь технологии на основе продвинутых и высокоспециализированных научных знаний, и тех, кто лишь использует их, не понимая смысла и принципов их функционирования, сам становится их «деталью». Ясно, что именно этим первым и принадлежит реальная власть над ресурсами и людьми в различных аспектах их производственной и частной жизни.

При этом соединение интеллектуальных, организационных и политических

ресурсов в руках элит порождает у них ощущение не просто превосходства над остальными классами, но, как отмечает Л. Мамфорд, «иллюзии всезнания и всемогущества – немедленного или ожидаемого». Безграничная вера в возможности техники в современном обществе порождает технократические дискурсы, в своих интенциях соответствующих верованиям бронзового века во всемогущество магии и обрядов – тоже своего рода «технологий» воздействия на внешний мир [6]. Во всех проблемах человечества здесь видят проблемы технического развития и в технократических свершениях предлагают искать и пути их решения. При этом всё, что препятствует техническому прогрессу или хотя бы ставит под сомнения его возможности, безусловно, осуждается и отрицается, а все человеческие, социальные, культурные институты и ресурсы воспринимаются исключительно с точки зрения полезности для его осуществления [11].

Однако, как подчеркивает Л. Мамфорд, «такая власть, чтобы процветать на своих собственных основаниях, должна разрушить симбиотические кооперации между всеми видами и общностями, существенными для человеческого выживания и развития [6]. То есть, прежде чем люди объединятся с помощью технических устройств, они должны быть изъяты из практически всех систем их естественных социальных связей (общин, семей, сетей дружеских, конфликтных, властных и т. п. отношений) и помещены в по-новому структурированные и отформатированные системы связей. Так работники на строительстве древних культовых и ирригационных сооружений, рабочие мануфактур и фабрик нового времени, а затем индустриальных предприятий временно или навсегда покидали привычные социальные условия для того, чтобы превратиться в «живую деталь» новой производственной машины. Традиционные нормы, ценности, все правила, на которые ориентируются люди в привычных жизненных мирах, соответственно, заменялись другими, определяющими и структурирующими участие в опосредованных техникой социальных

практиках. Это позволило некоторым исследователям утверждать, что у ориентированных на технику социальных групп, прежде всего у промышленных рабочих, нет социальной памяти и общей идентичности, и именно в этом видеть сущность отчуждения в капиталистическом обществе [14, гл. 7]. Правда, со временем они могли обрести и новые социальные и культурные идентичности помимо чисто технологических, как рабочий класс капиталистических обществ XIX – начала XX вв. **вырабатывал представления** об общности интересов, солидарности и совместной борьбе за свои права.

Принципиальной особенностью древних Мегамашин, проявляющейся и в современных социотехнических системах, стала их ориентация на контроль, порядок, предсказуемость действий людей, что неизбежно приводило к «регламентации и деградации некогда независимой деятельности человека: так впервые возникли “массовая культура” и “руководство массами» [8]. Самостоятельная, творческая, оригинальная работа, ориентированная непосредственно на другого человека, на солидарность и эмпатию, на природу и Космос, стала объектом манипуляций со стороны внешних сил, господствующих над живыми людьми. В отличие от теории отчуждения К. Маркса, здесь речь идёт не о капитале и погоне за прибылью, точнее, не только о них. Источником внешнего контроля и принуждения может быть и государство, ориентированное на экспансию и господство, и символическая власть духовных – религиозных, идеологических элит, но воплощает их в жизнь именно технология господства, реализованная посредством технических устройств. Ибо для того, чтобы сложная техника эффективно выполняла свои функции, ей должны соответствовать свойства человека, управляющего и управляемого техникой. Поэтому использование технических устройств – простых или сложных, движимых разными источниками энергии, предназначенных для различных целей, – продуцирует сущностно сходный порядок работы людей, предполагающий их адаптацию к работе машины любой сложности в

едином пространстве-времени, темпе, ритме, настройке движений тела, ума, психики. К. Маркс и его последователи назвали такое положение дел *господством овеществленного труда над живым*. М. Фуко, рассматривая генезис и развитие дисциплинарной власти, в числе её источников называл мануфактуру и фабрику, использующие станки, и армию, применяющую оружие [13]. Рабочие на конвейерном производстве, например, в фординстской парадигме организации труда, подчиняются технологически принудительному ритму машин и машинному контролю за их деятельностью, становящейся внешней по отношению к их собственной воле, а воин вынужден приспосабливаться к наиболее эффективным способам использования оружия.

Как подчеркивает Л. Мамфорд, «машинную работу может выполнять только машина», т. е. у работников для того, чтобы стать деталями Мегамшины, должны сформироваться соответствующие качества, близкие к рефлексам, отвечающим на приказ, инструкцию, требование технического задания, и при этом «безгранично терпеливые» [8]. Так, руководитель созданного в СССР в 1920 г. Центрального института труда А. К. Гастев писал о новом типе работнике, которого необходимо воспитать для массового индустриального производства, как об особом «скоростном человеке», ориентированном на машину, потому что «ушло безвозвратно время, когда можно было говорить о «свободе» рабочего по отношению к машине, а тем более по отношению к предприятию в целом» [2, с. 170–171]. Советскую систему организации производства вполне устраивало обезличивание машинного труда и его господство над живым человеком.

Следует обратить особое внимание на трансформации социального времени в связи с появлением Мегамашин и развитием техники: они утрачивают человеко-соразмерный характер. Социальное время является, как известно, продуктом человеческих практик, однако если эти практики определяются применением техники и машиноподобных социальных технологий, то

и они отчуждаются от людей и общества. Время в сообществах, ориентированных на обезличенные, чуждые человеческой природе, технически принудительные ритмы и скорости, соотносится с технологическими и производственными циклами, обращением денег, рыночной конъюнктурой, задачами, поставленными властью, к которым должен адаптироваться человек. Даже когда эти отчуждённые ритмы становятся более свободными и произвольными, человек обретает лишь новый уровень сложности в адаптации к ним: он вынужден, например, не стремиться занять вовремя свое место у конвейера или за рабочим столом, а выполнить необходимые функции на условиях самоорганизации и самодисциплины, диктуемой, в конечном счёте, теми же внешними, принудительными темпоритами. Ибо цель – не устранить зависимость человека от машин, а ещё шире – от машинного труда, а сделать её более эффективной, исключив любую деятельность, которая «в процессе производства не может быть превращена в прибыль» [7].

Чёткая регламентация, повторяемость, предсказуемость и контролируемость рассматривается представителями технократических элит в качестве не только важнейшего условия функционирования современных социотехнических систем и всего современного массового общества. Они определяются как благо для человека, который ими избавлен от интеллектуального и психологического напряжения принятия самостоятельных решений, несения ответственности за их риски, вообще от непредсказуемости и нестабильности жизни в сложных и быстро развивающихся обществах [6].

Поэтому одной из важнейших проблем, возникающих, по мнению Л. Мамфорда и других исследователей, в связи с всё более интенсивным внедрением в производство и повседневную жизнь разнообразной техники, заменяющей человека и дополняющей его естественные возможности, стало *обеднение реальных функций и возможностей самого человека*: «что в действительности останется от человеческой

жизни, если одна автономная функция за другой или захватываются машиной или хирургически уничтожаются и, возможно, генетически изменяются, чтобы соответствовать Мегамашине» [8]. Действительно, освобождённый от необходимости овладеть многими ранее нужными умениями и навыками, знаниями и практиками, не стал ли человек технической эры более беспомощным и слабым, чем его не имеющий такой поддержки предшественник? Как известно, еще в диалоге Платона «Федр» был поставлен вопрос о том, не утратится ли способность людей *помнить* после того, как они массово освоют письменность. С тех самых пор подобные вопросы задаёт себе человечество после распространения каждого технического и технологического нововведения. Гуманистически ориентированные социальные мыслители встали на позиции критики технократии именно из-за озабоченности её влиянием на человеческую природу, на снижение многообразия и богатства возможностей и практик самого человека без технических посредников [1]. Освобождение человека от работы, труда, в социальном смысле этого понятия, от необходимости творить и вкладывать свои интеллектуальные и духовные, эмоциональные ресурсы в разнообразные практики является не благом для него, а наносит непоправимый вред его природе.

Рассмотрим подробнее результаты применения идей Л. Мамфорда о влиянии машин на развитие человека и общества для концептуализации непреднамеренных социокультурных последствий цифровизации как нового этапа технического прогресса.

Концептуализация непреднамеренных социокультурных последствий цифровизации с позиций подхода Л. Мамфорда

Современный процесс цифровизации справедливо рассматривают как новый этап модернизации, обусловленный распространением принципиально новых технологий, меняющих не только производственные, коммуникационные и про-

чие связанные с ними практики (образовательные, потребительские, досуговые и т. д.), но и общество, и человека. В этой связи взглянем на опутанный цифровой паутиной мир как на новейшую Мегамашину, которая на новый лад воспроизводит, иногда в сильно трансформированном виде, свойства социальности, порождённые своей древней предшественницей. Какие эвристические возможности для анализа непреднамеренных последствий развития цифровых технологий представляет концепция Мамфорда?

Глобальные цифровые сети объединили людей, нередко помимо их воли, в причудливые системы связей, которые лишены присущих Мегамашине Мамфорда иерархий и структуры, единого центра, общих целей, разделения функций и ролей, единой логики развития. «Социальным прообразом», который предшествует созданию любой Мегамшины в случае цифровых машин, являются коммуникации, экономические и информационные обмены, процессы обработки информации и принятия решений на её основе. Как отмечает Мамфорд, заставший становление и распространение информационных и телекоммуникационных технологий, они ориентированы на то, чтобы «совладать с огромностью» глобального пространства-времени, в котором мы вынуждены существовать. Побочным эффектом их развития является рост объёма информации и скорости её движения, а также всех возможных видов связей и коммуникации. Американский учёный полагал, что эти гигантские объёмы не соответствуют реальным потребностям общества в них, а являются продуктом развития самих технологий [7].

Таким образом, если Мегамашина, описанная Мамфордом, предполагала экономию и использование труда, то цифровые машины предусматривают коммуникации и информационные обмены, которые становятся социальными и экономическими ресурсами. В социальном плане они, в отличие от Мегамшины, актуализируют не иерархические отношения с внешним

локусом контроля, а горизонтальные сети с внутренним локусом контроля. Они не подразумевают в большинстве своём скоординированных коллективных усилий, при которых каждый участник сети должен был бы превратиться в деталь гигантского механизма и работать для него. Однако есть как минимум три оговорки, все-таки актуализирующие образ новой, гибкой и «текучей» (З. Бауман) Мегамшины.

Во-первых, существует общая логика цифровых машин, логика лежащих в их основе формальных алгоритмов, как правило, не рефлекслируемых обычными пользователями, но латентно задающих правила их взаимодействий. Здесь цифровые коммуникации становятся внешней по отношению к их участникам средой, которой передаются волевые, организационные, отчасти и интеллектуальные качества людей. Поэтому выбор и соблюдение норм и правил социальных отношений остаётся принудительным, но при этом неосозанным, актуальным, неочевидным, поскольку эти нормы и правила являются встроенным элементом цифровых сетей. Деформализация установленных цифровых правил уже невозможна, поскольку она вела бы к деградации всей системы. Исследования показывают, что в цифровых взаимодействиях люди меньше задумываются о соблюдении этических норм, чем в реальных, как вследствие их большей обезличенности, так и возможности переложить ответственность за собственное поведение на внешних регуляторов, например, модераторов сообществ [12, с. 374–379].

Во-вторых, использование цифровых устройств (подключение к ним в современном мире принимает принудительный характер, но не в силу внешнего давления, а вследствие их безальтернативности в целом ряде форм социальных, в т. ч. институционализированных, взаимодействий), сама доступность которых определяется наличием цифровых компетенций и соответствующих устройств. Большинство производственных, финансовых, административных, образовательных, социаль-

но-обеспечительных, коммуникативных практик опосредуется цифровыми технологиями, что приводит к эксклюзии тех, кто ими не владеет или сознательно не хочет пользоваться. Более того, даже независимо от своей воли человек обретает «электронного двойника» в виде «следов» повседневных покупок, получения социальных, медицинских, образовательных услуг, уплаты налогов и штрафов и т. д. Таким образом, избежать подключения к цифровым сетям современный человек, ведущий полноценную социальную жизнь, уже в принципе не может.

В-третьих, в определённых условиях цифровые машины берут на себя функции принятия решений на основе обработки большого объёма информации, а также управления, в случае, например, IoT, «интернета вещей» и «искусственного интеллекта», получающего распространение уже не только на производстве, но и в сферах финансов, логистики, энергетики, а также потенциально в административном и государственном управлении и прочих сферах жизни. Таким образом, на уровне «Общества 5.0» возникает новая ипостась Мегамшины, способной принимать решения и организовывать жизнь людей на основе, возможно, наиболее эффективных и рациональных, но всё же внешних, по отношению к их собственной воле и разуму, знаний.

«Текущий» характер новой Мегамшины определяется тем, что для включения в опосредованные цифровыми машинами взаимодействия важно не овладеть их жёсткими алгоритмами, а научиться адаптироваться к многообразию возможных благодаря им решений. Как технологические, так и социокультурные нормативные образцы не являются однозначными и линейными, а требуют выбора из многих доступных вариантов действий, которые постоянно переопределяются и задаются дискурсивно, предполагая не вполне предсказуемый результат.

При создании Мегамашин особую роль играли элиты – носители знания о целях их создания и принципах функциониро-

вания. Цифровые технологии, доступные в повседневном использовании, имеют сложную машинную и программную основу, овладение которой для простого пользователя невозможно, и для него действие цифровых устройств, по меткому наблюдению Умберто Эко, всё больше напоминает магию. В таком случае технические элиты цифрового общества, характеризующиеся М. Кастельсом как техномеритократия [5, с. 52], действительно обладают «эзотерическим» знанием. Однако их особенность состоит в том, что ещё до превращения цифровых технологий в профессию, т. е. в 1960–80-х гг., среди них получили распространение убеждения о недопустимости ограничения доступа к информации о технических новинках, переросшие в деятельное неприятие бюрократических ограничений на доступ к любой информации. На этой основе формировалась субкультура *хакеров* – высокопрофессиональных программистов, утверждающих принцип заинтересованного и творческого отношения к жизни, самореализации как ценности, исповедующих либертарианские взгляды и настаивающих на принципиальной открытости информации, в первую очередь, технической [3, с. 57–59, 61]. Этим они принципиально отличались от традиционных элит, стремящихся к сохранению закрытости «тайных» знаний.

Если Мегамашина и построенные под её воздействием социальные связи и отношения предполагали выстраивание жёстких иерархий, соответствующих позиций по отношению к целеполагающему и управляющему центру, который опирался на «эзотерические» знания, то цифровизация актуализирует новые типы вертикальных взаимодействий. Технократические элиты, как мы видели на примере субкультуры *хакеров*, могут бросить вызов властным и силовым центрам, стремящимся к закрытости и использующим высокие технологии. В этом смысле цифровая сеть представляет собой переплетение горизонтальных и вертикальных связей разных типов, как отмечал ещё М. Кастельс, она создаётся одновременно целенаправленными усилиями техномери-

тократических элит, где авторитет определяется реальными достижениями в области цифровых технологий, властных центров и обычных пользователей. Среди последних происходит переформатирование множества социокультурных иерархий по цифровому, т. е. формальному принципу.

Как мы видели выше, создание Мегамашин и использование сложной техники предполагали разрыв примордиальных и близких социальных связей, изъятие человека из привычного жизненного мира и подчинение принципам технически обусловленной деятельности. Это характерно и для цифровых технологий, но на качественно новом уровне. Они позволяют человеку освободиться от принудительности производственной и любой другой технически навязанной дисциплины, некоторые категории работников получают возможность выполнять свои функции, не присутствуя на рабочем месте, удалённо решать разнообразные административные, управленческие, образовательные и прочие вопросы. На первый взгляд, это освобождает от необходимости разрыва с привычной и желательной средой, с родной группой: не человек подстраивается под внешний для него ритм труда, а подстраивает его под свои потребности, например, известный феномен «цифрового нómáдизма» [15] предполагает совмещение удалённой работы с путешествиями и другими активными перемещениями. Однако более глубокий анализ заставляет принимать во внимание, что включения в цифровые сети, тем более не повседневные и добровольные, а рабочие и обусловленные трудовой необходимостью при всей их возможной гибкости, все же предполагают сильную зависимость работника от современных высокоскоростных устройств, обеспечивающих бесперебойное присутствие в сети с достаточной скоростью, и соблюдение прочих технических требований для удалённой работы, т. е. уже не внешне-принудительно, а сознательно и целенаправленно подчинять свою жизнь, её распорядок, логике цифровых посредников.

При этом ломаются сложившиеся в условиях индустриального общества способы социального конструирования времени

и пространства. У современного человека уже нет необходимости встраиваться в жёсткую схему противопоставления рабочего и свободного времени, чёткого деления пространства по его функциональному назначению, зависимости от времени, необходимого на преодоление пространства (от дома до работы, до мест встречи с друзьями, родными и т. д.). Благодаря цифровым машинам происходит смешение и даже уничтожение привычных пространственно-временных практик. Время труда уже не отделено от времени досуга, дом и любая другая локация легко превращается в рабочее место, а расстояния уничтожаются при передаче цифровых сигналов, позволяющих взаимодействовать в реальном времени [4, с. 341, 402–404]. Однако опосредованные цифровыми машинами взаимодействия требуют новые, более тонкие способы конструирования социального пространства, связанные с включением практик в различные социальные поля (П. Бурдьё) – бизнеса и потребления, профессии и хобби, политики, идеологии, науки, массовой культуры и т. д. Эти условные, сконструированные в реальном и виртуальном пространствах поля становятся фактором структурирования социальных отношений в цифровой реальности, хотя и способствуют «смешению поведенческих кодов» [4, с. 341, 353].

В индустриальном обществе изъятый из традиционной среды работник находил новые формы классовой солидарности на производстве, т. е. машинный труд не полностью устранял, а переформатировал социальные отношения. Цифровые бизнес-платформы предоставляют новые возможности занятости на любых условиях, в т. ч. уже описанной выше удалённой, «гибкой», краткосрочной работы под конкретный проект и даже отдельное задание. Формирующийся на этих основаниях «гиг-капитализм» способствует фрагментации класса наёмных работников, лишая их возможности объединяться для защиты своих интересов, ослабляет их позиции в противостоянии работодателям [10]. В то же время появляются новые форматы со-

циальной мобилизации, которые позволяют объединяться для демонстрации протеста разного типа, однако эти активные, но не имеющие единой идеологии, чётко сформулированных целей, программы, организации, иерархии, поэтому быстро затухающие массовые протесты не представляют пока функциональной альтернативы институционализированному профсоюзному движению.

Изъятию человека из первичных сообществ с близкими социальными связями способствуют также его вовлечение в социальные сети, разного рода интернет-сообщества, в т. ч. и игровые, как повод и возможность уйти в «виртуальную реальность». В отличие от техники и Мегамашин прошлого, это происходит не в ограниченном времени-пространстве производственных, военных и т. п. институтов, а во всём разнообразии повседневных практик.

Меняется и смысл дисциплины и дисциплинарной власти, которая теперь основывается не столько на сознательном и целенаправленном подчинении и тонкой настройке *действий* на внешние принуждающие факторы – работу механизма, эффективное действие оружия и т. п., а на почти неосознанном следовании внутренним алгоритмам цифровых устройств. Возможно, именно поэтому цифровые общества осуществляют всесторонний контроль над практически всеми проявлениями жизни человека, неотвратимо отслеживая, фиксируя и даже наказывая любые нарушения предписаний. Появление «цифровых диктатур» с системами «социального рейтинга» связано уже не с контролем над действиями и функциями человека, как это было с дисциплинарной властью (М. Фуко), а с тотальным контролем *над самим человеком* в любых его проявлениях. Как и в условиях дисциплинарной власти он предполагает в качестве результата не только наказание для нарушителей, но и ранжирование и классификацию законопослушных по их навыкам в определённых видах деятельности. Но если по М. Фуко это происходит в соответствии с очевидными техническими требованиями «политэкономии тела»

в конкретной сфере [13, с. 201–202], то цифровой контроль основывается на непредсказуемых критериях внешних систем, представляющих власть, бизнес, организацию производства, социальные службы, средства массовой информации и многие другие институты современного общества, по-своему заинтересованные в человеке и стремящиеся его использовать. Попросту говоря, современный человек не знает кто, где, когда и зачем следит за ним и собирает о нём информацию, каким образом она будет использована, и к какой категории в классификации того или иного типа он будет отнесён.

Однако именно наличие информации, образующей «цифрового двойника», нередко служит основанием для вступления в социальные отношения, в т. ч. и в институционализованные. Поэтому люди сами заинтересованы не скрывать, а, напротив, предоставлять цифровым платформам разнообразные сведения о себе. Происходит размывание чётко обозначившихся и тщательно оберегаемых в индустриальную эру границ между приватным и публичным в жизни человека, что позволяет некоторым исследователям говорить о «конце приватности», который воспринимается не как потеря личного пространства, а как обретение новых возможностей.

Здесь возникает основание для новых парадоксов. Для Мегамашин прошлого характерно, как показал Мамфорд, обезличивание, деперсонализация используемого человеческого материала. На первый взгляд, цифровизация представляет беспрецедентные возможности для максимального выявления индивидуальных особенностей, личных интересов, вкусов, предрасположенностей каждого, кто вступает в опосредованные цифрой взаимодействия. Однако одновременно она предполагает и размывание идентичностей, и в этом смысле деперсонализацию. Например, интернет-коммуникации допускают сокрытие их участниками своей персоны под «ником», принятие чужих ролей, что минимизирует ответственность за содержание и форму высказываний, в т. ч. за

нарушения этических норм, нетерпимость, агрессию. Можно создать сколько угодно «цифровых двойников» и под их прикрытием включиться в самые разные, иногда диаметрально противоположные, ролевые сценарии. Наряду с людьми в коммуникации включаются «боты», создаваемые в целях повышения эффективности некоторых процессов в цифровом бизнесе, оптимизации коммуникативных пространств и т. п. Они создают иллюзии общения, подменяющие человеческие взаимодействия формально выстроенными вопросами-ответами, причём на таком высоком уровне, что возникает проблема их распознавания. Уникальная, неповторимая, целостная личность теряется в множестве «цифровых сущностей» (У. Бек).

Одна из важнейших проблем, связанных с распространением техники, видела Мамфорд и другим исследователям в том, что человеческие способности, функции, роли начинают передаваться машинам, обедняя тем самым природу самого человека. И сейчас достижения цифровых технологий в различных областях, вплоть до создания искусственного интеллекта, можно рассматривать как готовность переложить на цифровые машины и формальные алгоритмы человеческие умения и функции, вплоть до принятия решений в различных областях профессиональной и повседневной жизни, управления и образования, и даже творчества. У людей пропала необходимость запоминать, логически обрабатывать информацию. Педагоги констатируют распространение среди молодежи таких явлений, как «эффект Google» и «цифровое слабоумие» (*digital dementia*) [9, с. 308–311]. Цифровые устройства в повседневной жизни подменяют человеческие компетенции, открывая новые возможности (переводить тексты, не зная языка, и т. п.), но в то же время провоцируют обеднение интеллектуальных и культурных навыков людей. Поисковые машины, подбирающие информацию формально в соответствии с типичными запросами, постепенно формируют ограниченную и фрагментированную картину

мира при отсутствии смысловых доминант для её упорядочивания и рационализации.

Если в условиях создания «классических» Мегамашин прошлого, говоря языком К. Маркса, овеществлённый труд господствовал над живым, то в действующих цифровых машинах информация, социальные связи, коммуникации, интеллект, опредмеченные, а затем и овеществленные в символических системах и сложном оборудовании, начинают господствовать над живым интеллектом и реальными коммуникациями. Не случайно создание и повсеместное внедрение искусственного интеллекта является сейчас не столько технической, сколько этической и социальной проблемой. Цифровые технологии действительно могут в ближайшем будущем заменить человека во всех сферах деятельности, где только возможно заменить живой интеллект использованием формальных алгоритмов. Однако при колоссальной памяти и скорости обработки информации цифровые устройства анализируют её лишь формально, в основе их действия лежит сведение многообразия оценок социального и природного мира к количественным показателям, им недоступно эмоциональное, интуитивное восприятие, вследствие чего неформализуемые измерения социальных практик на массовом уровне утрачиваются. Напомним, что именно полноту бытия, включающую эмоциональные, эстетические, духовные начала, Мамфорд считал истоком развития техники. Поэтому именно «человеческое», т. е. иррациональное, интуитивное, становится особенно ценным в «цифровую эпоху», но уже как достояние профессиональных элит, в то вре-

мя как массовые уровни взаимодействий всё больше дегуманизируются.

Заключение

Концепция Мегамшины Л. Мамфорда, его идеи о связи техники с социумом и культурой, использованная в качестве теоретико-методологического подхода для анализа процессов цифровизации, обладает хорошим эвристическим потенциалом для концептуализации её непреднамеренных социокультурных последствий. Цифровизация как качественно новый этап расширения возможностей человека благодаря техническим инновациям, несомненно, представляет новый вызов для общества и самого человека. Чтобы продуктивно использовать эти технологии, а не стать их пассивным придатком, человек должен измениться сам, как это происходило во все эпохи технологических и промышленных революций. Идеи Мамфорда об обезличивании, деперсонификации, замене трудосбережения на потребление труда, изъятии человека из привычной социальной среды, трансформациях пространственно-временных конструктов и дисциплинарных практик в обществе, использующем сложные машинные технологии в индустрии и других сферах социальной жизни, позволяют увидеть непреднамеренные социокультурные последствия цифровизации, проявляющиеся как в преемственности характеристик обществ, ориентированных на технику, так и принципиально отличающие современность.

Статья поступила в редакцию 10.07.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. Человек и машина // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 147–162.
2. Гастев А. К. Как надо работать. М., 2011. 477 с.
3. Интернет в общественной жизни / пер. с англ. А. Смирнов. М.: Идея-Пресс, 2006. 157 с.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. М., 2000. 608 с.
5. Кастельс М. Галактика интернет. Екатеринбург, 2004. 328 с.
6. Мамфорд Л. Техника и природа человека // Гуманитарный портал : [сайт]. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3130> (дата обращения: 04.05.2020).
7. Мамфорд Л. Механический ритм жизни // Скепсис: научно-просветительский журнал : [сайт]. URL: http://scepisis.net/library/id_938.html (дата обращения: 04.05.2020).

8. Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества // Гуманитарный портал : [сайт]. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3115> (дата обращения: 04.05.2020).
9. Орлова Л. В. Интеллектуальная пассивность и цифровое слабоумие // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сборник / под общ. ред. Р. В. Ершовой. 2016. С. 308–310.
10. Платформенный капитализм: новый вызов для пролетариата // Марксистско-ленинское рабочее движение: [сайт]. URL: <https://work-way.com/blog/2017/11/09/platformennyy-kapitalizm-novyy-vyzov-dlya-proletariata/> (дата обращения: 04.05.2020).
11. Розин В. М. Философия техники [Электронный ресурс] // Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/6309> (дата обращения: 04.05.2020).
12. Цифровая культура: правила, ответственность и регуляция / Г. У. Солдатова, Е. И. Рассказова, С. В. Чигарькова, Е. Н. Львова // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сборник / под общ. ред. Р. В. Ершовой. 2018. С. 374–379.
13. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 383 с.
14. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 346 с.
15. Makimoto T., Manners D. Digital Nomad. Wiley, 1997. 256 p.
16. Mumford L. Technics and Civilization [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru/books?id=PU7PktesGUoC&pg=PA9&hl=ru&source=gbs_toc_r&cad=2#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 04.05.2020).

REFERENCES

1. Berdyayev N. A. [Man and Machine]. In: *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 1989, no. 2, pp. 147–162.
2. Gastev A. K. *Kak nado rabotat* [How You Should Work]. Moscow, 2011. 477 p.
3. Smirnov A., transl. *Internet v obshchestvennoi zhizni* [Internet in Public Life]. Moscow, Ideya-Press Publ., 2006. 157 p.
4. Kastels M. *Informatsionnaya epokha: Ekonomika, obshchestvo i kultura* [Information Age: Economy, Society and Culture]. Moscow, 2000. 608 p.
5. Kastels M. *Galaktika internet* [Internet Galaxy]. Yekaterinburg, 2004. 328 p.
6. Mumford L. *Technology and human nature* [Technology and Human Nature]. Available at: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3130> (accessed: 05.04.2020).
7. Mumford L. [Mechanical rhythm of life]. In: *Skepsis: nauchno-prosvetitel'skii zhurnal* [Skepsis: Scientific and Educational Journal]. Available at: http://skepsis.net/library/id_938.html (accessed: 05.04.2020).
8. Mumford L. *Mif mashiny. Tekhnika i razvitiye chelovechestva* [The Myth of the Machine. Technology and Human Development]. Available at: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3115> (accessed: 05.04.2020).
9. Orlova L. V. [Intelligent passivity and digital dementia]. In: Yershova R. V. *Tsifrovoe obshchestvo kak kulturno-istoricheskii kontekst razvitiya cheloveka* [Digital Society as a Cultural and Historical Context of Human Development], 2016, pp. 308–310.
10. *Platformennyy kapitalizm: novyy vyzov dlya proletariata* [Platform capitalism: a new challenge for the proletariat]. Available at: <https://work-way.com/blog/2017/11/09/platformennyy-kapitalizm-novyy-vyzov-dlya-proletariata/> (accessed: 05.04.2020).
11. Rozin V. M. *Filosofiya tekhniki* [Philosophy of Technology]. Available at: <https://gtmarket.ru/library/articles/6309> (accessed: 05.04.2020).
12. Soldatova G. U., Rasskazova E. I., Chigarkova S. V., Lvova E. N. [Digital culture: rules, responsibilities and regulation]. In: Yershova R. V., ed. *Tsifrovoe obshchestvo kak kulturno-istoricheskii kontekst razvitiya cheloveka* [Digital Society as a Cultural and Historical Context of Human Development], 2018, pp. 374–379.
13. Foucault M. *Nadzirat i nakazyvat. Rozhdenie tyurmy* [Discipline and Punish. The Birth of the Prison]. Moscow, Ad Marginem Publ., 1999. 383 p.
14. Halbwachs M. *Sotsialnye ramki pamyati* [On Collective Memory]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2007. 346 p.
15. Makimoto T., Manners D. Digital Nomad. Wiley, 1997. 256 p.
16. Mumford L. Technics and Civilization. Available at: https://books.google.ru/books?id=PU7PktesGUoC&pg=PA9&hl=ru&source=gbs_toc_r&cad=2#v=onepage&q&f=false (accessed: 04.05.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зарубина Наталья Николаевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии Московского государственного института международных отношений МИД Российской Федерации (МГИМО);
e-mail: n-zarubina@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalya N. Zarubina – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Sociology, MGIMO University;
e-mail: n-zarubina@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Зарубина Н. Н. Теоретические основания анализа непреднамеренных социокультурных последствий развития цифровых технологий: актуализация подхода Л. Мамфорда // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки*. 2020. № 3. С. 85–97.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-85-97

FOR CITATION

Zarubina N. N. The Theoretical Bases for the Analysis of Unintended Sociocultural Consequences of the Development of Digital Technologies: Updating L. Mumford's Approach. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2020, no. 3, pp. 85–97.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-85-97